

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А.Е. Шумахер

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Баллады Державина в историко-литературном контексте конца XVIII – начала XIX вв.¹

Аннотация: В статье рассматриваются жанровые особенности баллад Державина и ставятся вопросы о влиянии на него эстетических идей конца XVIII – начала XIX вв.; анализируются доминирующие мотивы и сюжетные ситуации, являющиеся общими для всех баллад Державина.

The paper discusses the genre peculiarities of the ballads by Derzhavin and raises the issues as to the impact the aesthetic ideas of the late 18th and early 19th centuries have had on the author. The paper comprises analysis of the dominant motives and plot situations that are common to all ballads by Derzhavin.

Ключевые слова: баллада, романс, мотив, сюжетная ситуация, конфликт, мифопоэтика.

Ballad, romance, motive, plot situation, conflict, mythopoetics.

УДК: 821.161.1 – 311.3.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН, сектор литературоведения. Тел. (383) 3304772. E-mail: nastasya02@yandex.ru.

Материалом для нашей статьи послужили баллады: «Луч», «Жилище богини Фригги», «Новгородский волхв Злогор» и «Северный Амур», написанные Г.Р. Державиным с 1807 по 1814 год на волне общего интереса к национальной старине, истории и фольклору². Посвященные разным темам, они, тем не менее, имеют ряд общих черт, что объясняется их принадлежностью к одному жанру и одному времени. В нашей статье мы ставим следующие задачи: на основе мотивного анализа охарактеризовать общую для баллад сюжетную ситуацию³ и вписать эти баллады в историко-литературный контекст конца XVIII – начала XIX века.

Сам Державин в своем «Рассуждении о лирической поэзии, или об оде» определяет балладу как «французского или итальянского происхождения правильную небольшую повествовательную поэму такого же содержания, разбора и вкуса, как романс» [Западов, 1986, с. 266] и подчеркивает, что «настоящая правильная баллада пишется тремя куплетами одинакового рода и меры стихов» [Западов,

© А.Е. Шумахер

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 33 «Традиции и инновации в истории и культуре». Направление 5 «Механизмы преемственности в развитии литературы»; проект «Эволюция повествовательных жанров в русской литературе: от средневековья к новому времени».

² «Теория этого времени возводила начало всякой поэзии к раннему мифологическому этапу развития культуры... В перспективе появлялась возможность обогатить литературу образами легендарного, «баснословного», прошлого, взятыми из национального предания» [Степанов, 1970, с. 227].

³ Под сюжетной ситуацией мы понимаем некое исходное положение, исходный конфликт, который определяет дальнейшее развитие событий.

1986, с. 267]. Но поэтическая практика Державина вступает в явное противоречие с теорией «правильных» жанров, провозглашенной классицистической поэтикой. Рубеж XVIII – XIX веков характеризуется размытостью жанровых границ, и балладные опыты Державина – яркое тому подтверждение¹. Так, например, в «Рассуждении о лирической поэзии» Державин подчеркивает, что общим для романа и баллады является содержание, находящее сюжетное воплощение, а различным – объем повествования (пространный для романа и краткий для баллады) [Западов, 1986, с. 229–283]. Но его собственные опыты («Жилище богини Фригги» и «Новгородский волхв Злогор») заставляют усомниться в обязательности данного признака, имеющего, скорее, формальный характер.

Несомненно, что Державину были знакомы баллады, созданные в России в конце XVIII века, но тексты Карамзина, Львова и Дмитриева были далеки от традиций народной баллады, а баллады Муравьева («Неверность», «Болеслав, король польский», «Романс, с каледонского языка переложенный») использовали в качестве сюжетной основы факты славянской истории, народные сказания и предания [Душина, 1978, с. 39–49] лишь для раскрытия характеров персонажей, а не для освещения исторических проблем.

Сушественное влияние на формирование балладного жанра Державина оказало не только знакомство с поэтической практикой отечественных авторов и теоретическими положениями западноевропейских исследователей, таких как Гердер и Эшенбург², но и его участие в «Беседе любителей русского слова». Напомним, что основной задачей «Беседы» являлось воссоздание заново русской литературы на основе церковно-славянского наследия допетровской Руси и русского национального фольклора (см., в частности: [Серман, 2005, с. 238]). «Беседа» возникает в период торжества карамзинизма и воспринимается, по словам Ю.Н. Тынянова, как «литературная контрреволюция» [Тынянов, 1969, с. 34]. «Шишковцы» вели борьбу против единообразия литературного языка и преобладания среднего штиля, против эстетизма и камерного стиля карамзинистов [Там же, с. 30–34]. Тематика произведений старших архаистов тяготела к романтической экзотике: Скандинавия, библейские времена, Древняя Русь.

Первым по времени написания произведением, которое Державин относил к жанру баллады, было стихотворение «Луч» (1807), написанное по просьбе сенатора и писателя И.С. Захарова³ к его комедии. Жанр стихотворения, носящего в рукописи заглавие «Романс»⁴, можно определить, пользуясь дефиницией самого

¹ Ср.: «Отношение Державина к жанру баллады... двойственно: с одной стороны, он определяет балладу через индивидуальный стиль автора, т.е. определяет жанр с точки зрения критика романтической школы, с другой стороны, Державин вслед за классицистическими критиками-кодификаторами пытается создать детальную классификацию баллад: правильная баллада, неправильная баллада и т.п.» [Прохоров, 1995, с. 258].

² И.И. Эшенбург, с работами которого Державин был знаком, одним из первых попытался разграничить жанры баллады и романа. См.: [Западов, 1986, с. 229–283]. Он отметил наличие в романе и балладе лирического начала и уделил больше внимания характеру повествовательности, основанной на «замечательном происшествии, то есть на событии, которое «выламывается» из повседневного хода вещей. Это «происшествие» может быть либо трагическим, страстным, либо веселым, шуточным. Эшенбург добавляет, что между романом и балладой нет существенного различия, и отвергает мнение, будто роман должен иметь содержание комическое, а баллада – трагическое [Там же]. Державин, видимо, принимал это разделение, потому что стихотворение того же рода, но более веселого настроения «Царь-девица» названо у него романсом, хотя его жанр можно определить как сказку в стихах.

³ И.С. Захаров, «связанный с Г.Р. Державиным, Шишковым и всем кругом Российской академии, принял деятельное участие в сплочении сил архаистов... <...> В 1807 году он издал анонимно комедию «Высылка французов»» [Степанов, 1988, с. 330].

⁴ В издании Я. Грота этот текст имеет название «Луч».

Державина, как «смешанный», включающий в себя признаки как баллады, так и романа (аналогом является «смешанная ода» Державина). Персонажи этого текста – Луч, Гром, Ветер – являют собой персонификации природных сил, но одновременно оказываются включенными и в социерархические отношения, что определяет характер конфликта и его разрешение: «За сердце он (Луч – А.Ш.) прекрасной / Умилы хочет мстить, / Но в рыцари как небом / Он не был посвящен. / Сражаться Ветра с ревом / Природой не рожден...». Текст близок к любовному типу баллад: он строится на мотиве вынужденной разлуки, вызванной внешними обстоятельствами, а именно – запретом отца. Другим сюжетобразующим мотивом становится верность сюзеру, так как Гром не просто отец возлюбленной, но и князь, которому Луч рыцарски служит и которого покидает из-за страха «согнать». Фольклорной параллелью к державинскому тексту можно считать баллады, выделенные Ю.И. Смирновым в одну группу («мифическому существу – этническому врагу, чужеземцу – нужна девушка») и построенные на том же сюжетобразующем мотиве [Смирнов, 1988, с. 111].

В сравнении с «Лучом», где лирическое начало преобладает над эпическим, «Жилище богини Фригги» (1812) обладает развитым повествовательным сюжетом. В его основе лежит встреча разных миров – временного и вечного, реального и фантастического, современного и древнего. Вневременной, фантастический мир воссоздается Державиным на основе «синтетической» (скандинаво-славянско-варяжской) мифологии. В связи с этим важно вспомнить о попытке Державина «обосновать единую поэтическую образную систему для северных народов, включая и варяго-русов, то есть предков русского народа, согласно распространенным в то время немецким историческим теориям» [Левин, 1980, с. 37].

По своему содержанию это стихотворение не соотносится ни с любовными, ни с историческими балладами. Сюжетобразующим для данного текста является архетипический мотив трудного пути, который сам Державин использовал до этого в «Фелице». Об аллегорическом истолковании данного мотива в «Жилище богини Фригги» Державин писал графу П.Г. Головкину: «премудрость живет в уединении, а храм блаженства достигается превозможеньем трудных путей опытами добродетелей и терпением» [Державин, 1870, с. 83].

Ассоциативный фон мотива трудного пути оказывается достаточно широким: это и «Божественная комедия» Данте, где поэт борется с пустотой, преодолевая хаос лишь творческим усилием [Васильева, 1992, с. 43]¹, и древнерусские хождения², и роман-путешествие Нового времени, и сатиры Кантемира, и, в конечном счете, «Фелица» самого Державина. В балладе путешествие лирического субъекта приобретает характер поэтической авторефлексии: «*через путь трудный опытом, терпеньем / Входят только смертные в Валкал*» (здесь и далее курсив мой – А.Ш.).

Композиция «Жилища богини Фригги» имеет диалогический характер: речь певца сопровождается репликой – рефреном хора («Боги любят добродетель, / Сердце верное хранят. / Благ, щедрот их я свидетель, / За терпение наград»). Принцип построения и стиль сближает балладу Державина со скандинавской, скальдической поэзией.

Благодаря диалогическому принципу изложение чередуется с обобщением изложенного, а повествовательность чередуется с «художественным приговором», то есть сосуществуют две манеры, два взгляда на события [Серман, 2005,

¹ Ассоциация с Данте возникла не случайно: в державинской балладе речь идет о достижении рая, обретении мудрости и бессмертия поэтом, чьим проводником оказывается дух поэзии.

² Следует отметить, что «замысел “Божественной комедии” генетически связан с раннехристианской апокрифической литературой, в том числе и с ее памятниками, которые в средние века являлись общими для западного католического и восточного православного мира» [Алексеев, 1970, с. 27].

с. 244]¹, один из которых принадлежит лирическому субъекту, а другой хору². В подобном принципе построения можно усмотреть влияние «древней» поэзии, как русской («Слово о полку Игореве») ³, так и скандинавской, приобретшей популярность после публикации Оссиана-Макферсона.

Здесь необходимо небольшое отступление о том, как было воспринято «Слово» современниками Державина. Отношение к памятнику древнерусской письменности было избирательным, воспринимались лишь те стороны, которые совпадали с эстетическими представлениями начала XIX века. Основная сюжетная ситуация «Слова», по мнению Ю.М. Лотмана, не встретила сочувствия и понимания в литературе этого времени, а вот образ Бояна приобрел известность еще до опубликования «Слова». В нем видели или великого скальда древности в духе Оссиана, или древнерусского певца [Лотман, 1997, с. 58; Лихачев, 1986, с. 11–12].

Сам Державин полагал, что текст написан «трудными стихами», а своими единомышленниками считал создателей трудной поэзии – скальдов [Серман, 2005, с. 244; Прохоров, 1995, с. 258–260].

Баллада «Новгородский волхв Злогор» была написана Державиным в 1813 году. Авторская рукопись сопровождалась примечанием: «взято из новгородского баснословия»⁴. Если в «Жилище богини Фригги» соединяются скифо-славянская и скандинавская, или варяжская, мифологии, то здесь Державин обращается только к славянской мифологии⁵. Образ главного героя Злогора восходит к былинам о Вольхе – хитроумном оборотне, к персонажу сказки В.А. Левшина – Волховцу. Историческим же прототипом былинного кудесника Вольха, или Вольги, был Всеслав Полоцкий (так, в «Повести временных лет» говорится, что он родился от волхования, а в «Слове о полку Игореве», что он рыскает по ночам волком). Само имя Злогор взято из третьего разряда третьей редакции «Хронографа» (XVII в.) [Лотман, 1997, с. 75].

В характеристике Злогора подчеркивается его происхождение: *«изверженец из ада», «козней демонских собор, / Славянов сын, Славяна града / колдун...»*; в этом описании находит выражение отношение повествователя к своему персонажу, связанному с языческими верованиями. Неограниченные способности героя к преобразению: он может становиться как животным (крокодилом), так и человеком (волхвом, князем, жрецом, вождем). Злогор препятствует проникновению

¹ Ср.: «С одной стороны, скальд – фигура оссианическо-скандинавских мифов, которые были важным элементом русских преромантических текстов “Остров Борнгольм”, “Песни, петье на торжествах”. С другой стороны, скальд – новая маска рассказчика, который до этого был, например, мурзой в “Фелице”, “певцом тиисским” в Анакреонтических песнях, и т.д.» [Прохоров, 1995, с. 261].

² М.И. Стеблин-Каменский видит источником принципа диалогического построения дроткветные хвалебные песни, которые «первоначально сочинялись для исполнения двумя певцами или хором на два голоса... Исполнение на два голоса впоследствии вышло из употребления... обычай хорового, или амебейного, исполнения хвалебных песен широко распространен у племен земного шара. На ранних этапах культурного развития он был, по видимому, общераспространенным» [Стеблин-Каменский, 1979, с. 67–68].

³ Заметим попутно, что именно Шишков одним из первых (в 1800 году) издает прозаический перевод «Слова о полку Игореве» на современный язык и снабжает его подробным комментарием и толкованием темных мест.

⁴ Под «баснословием» в XVIII – начале XIX вв. понималось «сказание о веках доисторических, сказочных»; баснословить значило «лгать, пустословить, плести небылицу» [См.: Даль, 1978, с. 53].

⁵ См.: «Волховец, или Волхв, – сын Славенского князя Славена и племянник князя Руса. Он – великий чародей, злобный нравом, оборачивался крокодилом, жил в реке Мутной, где ныне стоит Новгород, и река от его имени прозвана Волхов. Сказывал, что из сей реки, выходя крокодилом, пожирал он людей и унашивал воду. Признан богом устранным славянам, которые приносили ему жертвы. прислуживавшие ему бесы удавили его на оной реке... Так описано сие в летописях новгородских...» [Левшин, 1988, с. 458].

христианства в Новгород («вместо *Бога* / принудил... чтить / кумир *Перуна-Чернорога*»), невегласы-язычники обязаны под страхом смерти приносить ему жертвы.

Последняя часть рассказа скальда связывает воедино жизнь Злогора и историю развития России. Персонаж всегда против «здрава смысла»: «Вадима... всю чернь... поджигал,... вперяя... в Варягов и Славян раздор», «не допускал Добрыню / Новгородцев окрестить», «противился и Ярославу / в суды он Правду Русску ввесть», «посадницу всем Марфу... пестом велел возить на вечь», «на Хутыне... царя бег Грозного сожечь».

Таким образом, любые попытки противостояния власти, порядку и просвещению в истории Руси приписываются неразумному влиянию колдуна Злогора. Свое повествование рассказчик заканчивает утверждением, что колдун живет и сейчас, но занимают его не глобальные проблемы, а местные («и *днесь на Званке* он проказит»).

В основе сюжета державинской баллады – исторический путь России, а именно: переход от язычества к христианству, представленный чередой трансформаций героя (крокодил – волхв – князь – жрец – вождь). Тематика данного стихотворения сближает его с историческими балладами, но исторические события (принятие христианства, выступления против законной власти) получают религиозно-мифологическое истолкование.

Последнее, оставшееся в рукописи стихотворение Державина, которое условно можно отнести к жанру баллады, – это «Северный Амур». Основу сюжета составляют реальные военные события 1812 года, осмысляемые, как и в предшествующем тексте, в мифологическом ключе: «Галл где ус лишь протягал / Алых уст на ароматы, – / В грудь стрелой его встречал / Северный амур мохнатый». Завоеватель-галл предстает как ложный жених, чьи попытки добиться взаимности заканчиваются неудачей: «Галл сколь жаден был проклятый / И богатств сколь не алкал, / Но, бесстыдством бес крылатый, / Более красот искал / И им жар свой открывал, / Требуя любви отплаты. – / Русской дух лишь их спасал, / Северный амур мохнатый». Здесь просматриваются черты архаического сюжета «взятие царства / города – взятие царицы» [См.: Плюханова, 1995, с. 190].

Подведем итоги. Инвариантной сюжетной ситуацией державинских баллад является драматическая встреча разных, чуждых друг другу миров, представленная в религиозно-мифологическом ключе.

В балладе «Луч» речь идет о встрече мира природного и социального, своего и чужого. В основе – мотив соперничества, где победителем является представитель чужого мира (Ветер-хан).

В балладе «Жилище богини Фригги» «путешествие» героя приобретает характер поэтической авторефлексии, а балладный сюжет строится на переходе из ада в рай, из тьмы в свет, из времени в вечность, при этом переход совершается в воображении лирического субъекта.

В основе баллады «Новгородский волхв Злогор» – борьба мира языческого и мира христианского, сил хаоса и разрушения с созидательными силами и порядком, государственным устройством.

В балладе «Северный Амур» Державин снова сталкивает два мира – чужой, враждебный России мир, представленный образом завоевателя галла, несущего хаос и разрушение, и свой, северный, способный оказать достойное сопротивление.

Отличительным свойством всех этих баллад является обращение к языку мифопоэтики, образам народной песни, древней поэзии, славянской мифологии, в чем можно усмотреть влияние эстетических идей Гердера, созвучных художественным поискам Державина, участников «Беседы», «фольклорного» направления конца XVIII века (творчество Чулкова, Левшина, Львова и др.).

Но в силу разных причин замыслы «Беседы» оказались нереализованными, а баллады Державина так и остались в рукописи и, надо полагать, были известны немногим, а потому заслуга создания «русской» баллады в отечественном литературоведении связывается с творчеством младших архаистов, прежде всего Катенина, вступившего в полемику с Жуковским в 1816 году.

Между тем с полным основанием можно считать, что опыты Державина представляют интерес как сами по себе, так и в качестве соединительного звена между старо- и младоархаистами, а также как попытка создать русскую балладу на национальном материале, полемичную по отношению к балладам Жуковского и предваряющую поэтические опыты Катенина.

Литература

Альтшуллер М.Г. Оратория «Целение Саула» в системе поздней лирики Державина // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 268–281.

Васильева Г.М. Культура средних веков и эпохи Возрождения. Новосибирск, 1992.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1.

Державин Г.Р. Сочинения / Подг. Я. Грот. СПб., 1870. Т. 3: Стихотворения.

Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии / Публ. В.А. Западава // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15. С. 246–280.

Душина Л.Н. М.Н. Муравьев и русская баллада // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1978. С. 39–49.

Западов В.А. Работа Г.Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии» // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. С. 229–283.

Левин Ю.Д. Оссиан в русской литературе. Конец XVIII – первая треть XIX века. Л., 1980.

Левшин В.А. Повесть о дворянине Заолешанине – богатыре, служившем князю Владимиру // Приключения славянских витязей: Из русской беллетристики XVIII века. М., 1988. С. 352–485.

Лихачев Д.С. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 9–28.

Лотман Ю.М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX в. // Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб., 1997. С. 14–79.

Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.

Прохоров А. Он услышал рассказы Оссиана: варягоросские баллады Державина («Новгородский волхв Злогор» и «Жилище богини Фригги») // Г. Державин (1743–1816) / Под ред. Е. Эткинда и С. Ельницкой. Нортфилд, Вермонт, 1995. Т. 4. С. 257–267.

Серман И.З. Литературное дело Карамзина. М., 2005.

Смирнов Ю.И. Восточнославянские баллады и близкие им формы (Опыт указателя сюжетов и версий). М., 1988.

Стеблин-Каменский М.И. Древнескандинавская литература. М., 1979.

Степанов В.П. Захаров Иван Семенович // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1 (А–И). С. 328–331.

Степанов В.П. Чулков и «фольклорное» направление в литературе // Русская литература и фольклор (XI – XVIII вв.). Л., 1970. С. 227–247.

Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1969.